

УДК 069.015(470.41)Айналов, Миронов

Л. А. Сыченкова

ОСНОВАТЕЛИ МУЗЕЯ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДМИТРИЙ АЙНАЛОВ И АЛЕКСЕЙ МИРОНОВ

С историей почти забытого Музея изящных искусств Казанского университета связаны биографии двух ученых, имена которых имеют разную степень известности в российском научном мире. Один из них – Дмитрий Власьевич Айналов (1862–1939) вошел в историю русской науки как крупнейший византист, сделавший ряд важных открытий в области истории искусств, получивших международное признание еще при его жизни. Имя другого – Алексея Максимовича Миронова (1886–1929?) до сих пор известно только узкому кругу специалистов. Эти фигуры различны не только по степени научной одаренности, но и по линиям судьбы.

Путь в науку Д. В. Айналова был во многом типичен для российского ученого и ему, что немаловажно, сопутствовала удача. Еще до революции он успел сделать блестящую научную карьеру и добиться почти всех высочайших степеней и званий. При советской власти ему удалось достаточно успешно продолжить академическую деятельность. Жизненный путь А. М. Миронова, напротив, был тернист: ему пришлось пережить унижительный провал защиты двух докторских диссертаций, в начале 1920-х гг. он был вынужден бежать из Казани в Среднюю Азию. Его имя практически выпало из летописи отечественной науки. Но парадокс состоит в том, что спустя почти столетие о трудах А. М. Миронова стали вспоминать все чаще. На него обратили внимание не только искусствоведы, философы¹, историографы², но и историки образования³, историки российской культуры⁴, научных школ⁵. В наши дни неожиданно интерес к творческому наследию А. М. Миро-

¹ Одним из первых в советское время о А. М. Миронове «вспомнил» А. Ф. Лосев, рассматривавший наследие русской дореволюционной эстетики. В своем обзоре русских досоветских работ по эстетике раннего эллинизма он поставил имя А. М. Миронова в один ряд с именами Ор. Новицкого, П. Г. Редкого, Л. М. Лопатина, С. Н. Трубецкого. См.: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 1963. Т. V. Ранний эллинизм. Ч. 2, § 2. С. 15. Необходимо упомянуть также и некоторые труды по общей истории эстетики, содержащие в себе в том или ином виде также и указания на античность: *Амфитеатров Е. В.* Исторический обзор учений о красоте и искусстве. Харьков, 1890. С. 3-64; *Самсонов Н. В.* История эстетических учений. Курс лекций, читанный на Высших женских курсах. М., 1915. Ч. 1-3; *Аничков Е.* Очерк развития эстетических учений // Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1915. Т. VI. Вып. 1. С. 3-33; *Зивельчинская Л. Я.* Опыт марксистского анализа истории эстетики. М., 1928. С. 16-60. См. также: *Желудева Е. В.* Социально-философские воззрения Ж.-М. Гюйо: Историко-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.

² *Сыченкова Л. А.* Алексей Максимович Миронов // Культурология. Энциклопедия. М., 2007. С. 1323-1324.

³ *Алиуллина А. А.* Формирование нравственной культуры учащихся-подростков средствами естественнонаучных дисциплин. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2009; *Корзухина А. М.* Физика в России в научно-дисциплинарном аспекте: На материале Московского и Санкт-Петербургского университетов 1860–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. М., 1999.

⁴ *Назипова Г. Р.* Казанский университет и музеи: Проблема культурного взаимодействия: Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009.

⁵ *Бон Т. М.* Русская историческая наука (1880 г. – 1905 г.). Павел Николаевич Милоков и Московская школа. СПб., 2005. С. 43.

нова проявили и издатели, извлекая из небытия его курсы лекций и монографические исследования⁶.

Впервые с именем А. Миронова нам пришлось столкнуться в процессе сбора материала по кандидатской диссертации. В сборнике середины 1920-х гг. «Задачи и методы изучения искусства»⁷ встретилось упоминание о казанских историках искусства: А. М. Миронове, В. К. Мальмберге и др. Надо сказать, что к этому времени, т.е. к середине 1980-х гг. в Казанском университете уже прочно забыли и о преподавании истории искусств и об уникальном университетском музее. Потянув эту ниточку, мы обнаружили целый пласт искусствоведческого наследия Казанского университета. Как горох из мешка забвения посыпались интереснейшие фигуры казанских историков западноевропейского и византийского искусства: Н. М. Благовещенский, Д. Ф. Беляев, Б. В. Варнеке, С. К. Булич, Б. П. Денике и др. Лидером этой группы ученых с 1903 до середины 1920-х гг. был А. М. Миронов. Тогда мы впервые узнали о существовании в Казанском университете Музея изящных искусств и его богатейшей коллекции. В советское время, вплоть до конца 1980-х гг. имя ученого практически не значилось в советской искусствоведческой литературе⁸, а уникальный музей, казалось, исчез в волнах «беспамятства» как таинственная Атлантида.

Объяснение феномену «беспамятства» лежало на поверхности: тематика, связанная с изучением вопросов искусства и культуры, была за пределами традиционного круга проблем марксистской историографии. В ту пору предпочтительными темами изучения были проблемы классово-борьбы, античного рабства, буржуазных революций и т.д. Однако наш научный руководитель – один корифеев казанской исторической науки XX в., Аркадий Семенович Шофман⁹, несомненно, знал о казанских историках искусства. Об этом

⁶ *Миронов А. М.* 1) История античного искусства. 2-е изд. М., 2010; 2) Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпохи Возрождения в немецком искусстве. 2-е изд. М., 2010.

⁷ *Богаевский Б. Л.* Задачи искусствознания // Задачи и методы изучения искусства. Пг., 1924. С. 9-61; *Недович Д. С.* Задачи искусствоведения. Вопросы теории пространственных искусств. М., 1927.

⁸ См.: Из истории европейского искусствознания: вторая половина XIX и начало XX вв. М., 1969. Т. 1-2.

⁹ Шофман Аркадий Семенович (1913–1993) – историк античности, профессор Казанского университета. Родился в Белоруссии. В 1933 г. поступил на отделение классической филологии Ленинградского историко-филолософско-лингвистического института (ЛИФЛИ). В 1937 г. кафедра классической филологии вошла в состав образованного филологического факультета ЛГУ. Окончил учебу А. С. Шофман в 1938 г., став одним из первых выпускников вновь образованного (или восстановленного) филологического факультета ЛГУ. В 1938 г. А. С. Шофман начал преподавание древних языков в Ленинградском университете и Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена (1938–1940). Во время войны был эвакуирован в Ашхабат. В 1942–1948 гг. – доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Ашхабадского педагогического института. В 1946 г. он пережил несколько трагических событий: весной скоропостижно умерла его жена, и он остался с пятилетней дочерью на руках, а в августе произошло страшное землетрясение, во время которого он потерял дом, но чудом остался жив, а дочь получила серьезные ранения. В 1948 г. защитил в Московском университете кандидатскую диссертацию на тему «Завоевания Филиппа и политика Демосфена». В 1948 г. он принимает решение о переезде в Казань. С 1948 по 1986 гг. был заведующим кафедрой всеобщей истории Казанского университета. В 1964 г. в Московском университете защитил докторскую диссертацию на тему «Возникновение Македонского государства». В Казани А.С. Шофман в течение более четверти века руководил научным семинаром (кружком) «Античный понедельник». Он воспитал целую плеяду учеников, занимавшихся преимущественно разработкой историографических проблем, а также отдельных аспектов всеобщей истории. С именем А. С. Шофмана в Казани связывают не только создание историографической научной школы, но и его особую роль по восстановлению традиции классического гуманитарного образования в университете, прерванной в начале

мне стало понятно, когда он внимательно слушал мои рассказы о находках в библиотеке. «Шеф», как мы его между собой называли, с нескрываемым удовольствием рассматривал принесенные мною старые полуистлевшие книги – почти единственные свидетельства историко-искусствоведческого мира Казани рубежа XIX–XX вв. Особенно мне запомнилось то, как легко и непринужденно Аркадий Семенович определил неизвестный для многих историков советского образца язык книг из каталога Музея изящных искусств 1901 г. «Да, это на византийском!» – улыбаясь, заметил профессор. А мы гадали: вроде бы похоже на древнегреческий язык, но написание букв несколько иное. Только через много лет, начинаешь осознавать значение этой реплики. Круг людей в Казани, умевших различать византийское написание греческого языка, был очень узким¹⁰. Мы забывали иногда, что А. С. Шофман по образованию был филолог-классик, учился в Ленинграде у корифеев российского антиковедения. В свои студенческие годы он слушал лекции графа Ив. Ив. Толстого-младшего, С. А. Жебелева, С. И. Ковалева и даже Н. Я. Марра, был знаком с О. М. Фрейденберг.

Все, что было связано с историей российской классики в самом широком понимании этого предмета – от историографии до искусствознания, от Гомера до Г. Шлимана, – было близко и интересно А. С. Шофману. Но в советское время круг предпочтительных тем для исследования в антиковедении был строго регламентирован. Приоритетными были проблемы классовой борьбы, история войн, великих империй и полководцев в древнем мире, критика буржуазной историографии рабства и т. п. Этими проблемами занимался сам А. С. Шофман и его ученики. Но когда ему приходилось комментировать вопросы античной культуры, проявлялся весь блеск его классической образованности, и неожиданно обнаруживалась его романтическая влюбленность в заманчивый образ Древней Греции, воспетый в поэмах Гомера.

А. С. Шофман проявил заинтересованность к нашим поискам в данном направлении и стал оказывать всяческое содействие изучению этого сюжета¹¹. Интерес А. С. Шофмана к этой тематике был не случайным, поскольку одним из направлений его исследований в Казани стала история Казанского университета, он даже написал две книги о казанских историках античности – Ф. Г. Мищенко и М. М. Хвостове¹². Выбор этих персоналий для исследования был также не случайным для А. С. Шофмана. Так получилось, что одноклассником сына историка М. М. Хвостова¹³ и будущего академика Владимира Михайло-

1920-х гг. См.: *Мяжков Г. П.* «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: Историк А. С. Шофман в череде поколений // *Мир историка: Историографический сборник.* Омск, 2009. Вып. 5. С. 78-96.

¹⁰ Имеется в виду одна из разновидностей греческой письменности, отражавшая определенный этап в ее развитии. Византийский или среднегреческий представляет своего рода переходный этап между древнегреческим языком античности и современным новогреческим языком Греции и Кипра. Хотя, конечно, мы несколько утрировали ситуацию. В Казани в 1950–1980-е гг. еще живы были филологи-классики, все они были выпускниками классического отделения Московского университета, эвакуированного в годы войны в Казань. Это были преподаватели латыни: М. Д. Блохина, М. А. Галеева, А. Д. Константинова и др. Но это был эпизод, традиция классического образования в Казанском университете была прервана после 1917 г.

¹¹ См.: *Сыченкова Л. А.* Забытые страницы изучения античной культуры в Казанском университете // *Античная история и современная историография: Материалы межвузовской конференции.* Казань, 1991. С. 14-16.

¹² *Шофман А. С.* 1) Федор Герасимович Мищенко. Казань, 1974; 2) Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1978.

¹³ Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920), российский историк античности, профессор Казанского университета. В 1920 г. вместе с отрядами Колчака покинул Казань и добрался до Сибири. Скончался в Томске от сыпного тифа.

вича Хвостова¹⁴ был Василий Иванович Адо¹⁵, который был, в свою очередь, ближайшим другом и коллегой А. С. Шофмана¹⁶. Судьбы историков первой четверти XX в. самым необычным образом переплетались с судьбами историков советского времени¹⁷.

Доживший до своего 90-летия Василий Иванович Адо, у которого нам довелось учиться, его супруга – археолог и музейщик А. М. Ефимова помнили А. М. Миронова, и слушали курсы его лекций. По их словам А. М. Мионов не был особо талантливым преподавателем, ему не удалось зажечь искру любви к искусству в студентах: излагал он сухо, педантично. По словам А. М. Ефимовой «он (Мионов) отвратил нас от искусства». Трудно сейчас судить о том, насколько объективны были эти оценки А. Миронова со стороны супругов Адо. Истоки симпатий и антипатий, которые обычно историографы не учитывают, могут стать причиной негативной оценки отдельных персоналий. В данном случае надо помнить, что А. Мионов и М. Хвостов были антагонистами (это нам известно документально)¹⁸. Узкому кругу казанских историков советского времени были известны и другие детали: В. И. Адо сохранил хорошие отношения со своим однокашником Владимиром Хвостовым на протяжении всей жизни и обращался к нему за поддержкой в сложных ситуациях, когда тот занимал влиятельнейшее положение в научном мире страны¹⁹. Эти незначительные на первый взгляд мелочи помогают прояснить некоторые причины субъективного долгого забвения имени А. Миронова в исследованиях казанских гуманитариев.

Отсутствие ораторского мастерства у А. Миронова, о котором поведал В. И. Адо, пример далеко не редкий и не уникальный в истории образования. Даже такой «эмоциональный предмет» как история искусств не «избежал» этой участи. Достаточно в этой связи вспомнить Н. П. Кондакова²⁰, который, буквально, ненавидел свою педагогическую деятельность. Но парадокс состоит в том, что оба ученых и А. М. Мионов и Н. П. Кондаков оставили значительное число последователей и учеников. Этот пример весьма показателен, поскольку подтверждает известную истину, что в научной преемственности срабатывают более тонкие и интимные механизмы интеллектуального общения, чем моментальная симпатия, вспыхивающая под воздействием лекторского обаяния.

¹⁴ Хвостов Владимир Михайлович (1905–1972), советский историк, сын М. М. Хвостова, специалист по истории нового времени и международных отношений, академик АН СССР (1964 г.). До 1972 г. был директором Института истории АН.

¹⁵ Адо Василий Иванович (1904–1995), историк-славист, доцент Казанского университета.

¹⁶ В. И. Адо и А. С. Шофман были знаком по Ашхабаду. Именно В. И. Адо содействовал переезду друга в Казань.

¹⁷ В. М. Хвостов дружил с В. И. Адо со времен совместной учебы в школе и институте и вместе с тем поддерживал тесные контакты с А. С. Шофманом, сложившиеся в ходе защиты последним кандидатской диссертации в Москве. См.: *Червяцов Е. З.* Заметки на полях: о профессиональной этике взаимоотношений А. С. Шофмана и В. И. Адо // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 119.

¹⁸ О начале конфликта двух ученых речь пойдет ниже. Более подробно факты этой истории описаны в нашей статье, см.: *Сыченко Л. А.* Алексей Максимович Мионов. Попытка научной реабилитации // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2004. № 1 (35). С. 75-84.

¹⁹ В. М. Хвостов поддержал В. И. Адо в процедуре получения доцента в ВАКе. Он получил звание «холодного», как тогда называли, доцента, т. е. без защиты кандидатской диссертации. Этот факт только подчеркивает прочность их дружбы, но ни в коей мере не умаляет научных и педагогических заслуг В. И. Адо.

²⁰ Ф. И. Шмит цитирует воспоминания Н. П. Кондакова о том, как тот ненавидел свою педагогическую деятельность. См.: *Шмит Ф. И.* Византиноведение на службе самодержавия: Н. П. Кондаков (1933) // Искусствознание. 2010. № 3-4. С. 563-564.

Надо сказать, что основатели казанского музея Д. В. Айналов и А. М. Миронов знали друг друга. Ученые могли познакомиться в Москве или Санкт-Петербурге, во всяком случае, точно известно, что пути их пересекались в 1893–1894 гг. на мастер-классах немецких профессоров, которые устраивались в Афинах на базе Немецкого Археологического института. Но ученые не дружили, более того, документально известно, что Д. В. Айналов недоброжелательно относился к А. М. Миронову. Судьбы этих ученых вначале были очень похожи: оба были с юга России. Дмитрий Айналов родился в Мариуполе и окончил Новороссийский университет, был учеником Н. П. Кондакова. А Алексей Миронов родился в Харькове и окончил Харьковский университет, был учеником А. И. Кирпичникова. Оба ученых были представителями одного поколения, почти ровесниками. В глазах современных исследователей ученых могло бы «сблизить» их социальное происхождение – Д. В. Айналов был из купеческого сословия, А. М. Миронов – из мещанской семьи. Но в жизни общий социальный статус их не сблизил и не способствовал классовой солидарности и взаимопониманию. Можно сказать, что на самых ранних этапах формирование научного мировоззрения молодых искусствоведов проходило в рамках русской школы искусствознания, которая во второй половине XIX в. только-только начала определять свои предметные границы. Но уже тогда в российских академических центрах наметились разные методологические подходы к исследованию художественных феноменов. Столкновение теоретических позиций и методических предпочтений создавало диалектическую напряженность внутри искусствоведческого сообщества России, в котором сразу выделились два направления: последователи «школы» Н. П. Кондакова и сторонники теоретических позиций А. В. Прахова. В это же время в русской науке о себе стали заявлять сторонники строгой школы немецкого искусствознания. В этом смысле Д. В. Айналов представлял «кондаковскую школу», тогда как А. М. Миронов был воспитан в германских искусствоведческих традициях.

Итак, Музей изящных искусств был открыт несколько раньше, чем соответствующая кафедра – в 1886 г.²¹ Первым директором музея был назначен филолог-классик Дарий Ильич Нагуевский (1845–1918), но обязанности эти ему были в тягость, а для дальнейшего развития дела ему не хватало профессиональной подготовки. Возникла потребность в специалисте, и с этой целью в Казанский университет был приглашен из Санкт-Петербурга византист Д. В. Айналов. С 23 августа 1890 г. он был назначен приват-доцентом Казанского университета по кафедре истории и теории искусства, на место уехавшего в Дерпт В. К. Мальмберга²². К тому времени в Казани не было художественных музеев и живописных галерей. Именно эта сторона жизни провинциального города делала его непривлекательным для столичных ученых.

В 1901 г. Д. В. Айналов провел полную реорганизацию университетского Музея древностей и изящных искусств, образовав три отдела: 1) слепков античных скульптур, которые он сам же раздобыл; 2) отдел коллекций (египетских и микенских древностей, русского прикладного искусства); 3) библиотеку, которую он увеличил до десяти тысяч томов.

²¹ Новая образовательная программа была зафиксирована в университетском уставе 1883 г. Этот документ содержал предписание создать специальные кафедры истории и теории искусств в императорских университетах.

²² Мальмберг Владимир Константинович (1860–1921), историк античного искусства, питомец Казанского университета, в 1884 г. он окончил историко-филологический факультет университета, в 1888 г. – приват-доцент кафедры теории и истории искусств. В 1890 г. переведен в Дерптский университет. С 1915 г. – директор Музея изящных искусств в Москве.

При нем началось создание уникальной библиотеки при музее: книги выписывались из Лейпцига, Базеля, Дрездена, Парижа и т.д., ученый подготовил и издал первый печатный каталог библиотеки музея²³. В помещении музея стали читать лекции и проводить практические занятия для студентов. Д. В. Айналов первым в Казани применил новую методику преподавания: начал читать лекции с проекционным фонарем и слайдами.

Д. В. Айналов проработал в Казанском университете почти 13 лет, из которых в общей сложности почти три года провел за границей в научных командировках. В казанский период он написал две диссертации – магистерскую и докторскую, оставил полноценную кафедру истории и теории искусства, на которой началось систематическое чтение историко-искусствоведческих курсов на гуманитарных факультетах университета, была начата подготовка и выпуск специалистов по истории искусств. Авторитет Д. В. Айналова к этому времени в научном мире был уже очень высок, и он стремился осуществить свою мечту: вырваться из провинциальной научной среды в столицу. В 1903 г. ему удалось переехать и обосноваться в Санкт-Петербурге²⁴. Место заведующего Музеем оставалось вакантным в течение трех лет (1903–1906).

Но, покинув Казань, Д. В. Айналов был озабочен судьбой кафедры истории искусства. Уже из столицы он вел переписку с деканом историко-филологического факультета – Дмитрием Александровичем Корсаковым²⁵ о подборе кандидата на место директора Музея. Письма приоткрывают неизвестную страницу в истории кафедры – сюжет о том, как происходила смена руководства. Из содержания писем можно понять принцип подбора кадров того времени, уяснить, какую роль играли всякого рода рекомендации признанных авторитетов. «Глубокоуважаемый Дмитрий Александрович! Если бы Вы знали <...> как мне хотелось бы посадить на казанскую кафедру по искусству хорошего и знающего человека», – писал Д. В. Айналов 22 октября 1903 г. Ученого беспокоила не только судьба кафедры, но, главным образом, судьба учебного музея, поскольку предполагалось, что заведующий кафедрой будет совмещать обязанности директора учебного музея. Д. В. Айналов осознавал значимость такого учебного и просветительского центра для российской провинции и как никто другой понимал, что место директора должен занимать человек не только чрезвычайно преданный науке, но и честный, лишенный корысти²⁶. Д. В. Айналов вел переговоры с И. В. Цветаевым, обращался за консультацией по этому вопросу к ведущим искусствоведам, которых в ту пору в России было немного.

Прежде нам было известно только то, что в 1906 г. после небольшого перерыва заведующим кафедрой стал мало кому в ту пору известный А. М. Миронов. Оказалось, что он был не единственным кандидатом. В числе претендентов на вакантное место было немало

²³ Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Казанском Императорском университете. Казань, 1901.

²⁴ См.: *Анфертьева А. Н.* Д. В. Айналов: Жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 259-312.

²⁵ Корсаков Дмитрий Александрович (1849–1919), декан исторического факультета Казанского университета в 1900 – 1905 гг., член-корр. Императорской академии наук (1905 г.). Преподавал в Казанском университете до 1914 г.

²⁶ В контексте данной проблемы интерес представляют пять писем Д. Айналова Д. Корсакову (1903–1904), хранящихся в рукописном отделе Национального музея Республики Татарстан (См.: Национальный музей Республики Татарстан. Рукописный отдел. Архив Д. А. Корсакова. Д. 12366-3276, 123666-3278, 123666-3277, 123666-3282, 123666-3275, 123666-3272). См.: *Сыченкова Л. А.* О «немецкой колонизации» русской науки: размышления над письмами Д. В. Айналова // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2007. № 1 (46). С. 137-142.

весьма интересных фигур. Среди них были и «самовыдвиженцы» – некий Коль, и О. Ф. Вальдгауэр – известный в последствии историк античного искусства. Сам Д. В. Айналов рекомендовал на эту должность: искусствоведа К. Д. Чигарова²⁷ и В. Е. Гиацинтова²⁸, Н. И. Романова²⁹ и даже Ф. И. Шмита³⁰, но никто из них не захотел ехать в Казань.

Искусствоведу Алексею Максимовичу Миронову в своих письмах столичный ученый дает нелицеприятную характеристику. Д. В. Айналов выносит свой вердикт кандидатуре А. М. Миронова, который «хотя и написал две диссертации, но скандально защитил магистерскую диссертацию, никак не может получить должности, пока никто не принимает его работы, и я принять не могу. Миронов обращается ко мне по своему обычаю с целью разведки: письменно, желая узнать мое мнение о его книге, но я уклонился от прямого ответа, т[ак] к[ак] он действует скрытно <...> О трудах Миронова я могу дать только отрицательный отзыв. Быть может, если он узнает об этом, то снимет свою кандидатуру сам, как было бы избежать <...> скандала во время петербургского конкурса». Из текста писем видно, что Д. В. Айналову были известны какие-то скандальные подробности о защите А. М. Мироновым магистерской диссертации в Москве. Шлейф слухов, по-видимому, тянулся за ним всю жизнь.

По неизвестным нам причинам хлопоты Д. В. Айналова оказались напрасными, и следующим директором Музея древностей и изящных искусств и заведующим кафедрой истории и теории искусства, вопреки воле столичного метра, был назначен именно А. М. Миронов. Пока остается тайной, кто из столичных или казанских влиятельных профессоров способствовал его назначению в Казань.

Что мы знаем о А. М. Миронове? По сравнению с биографией Д. В. Айналова, которая к настоящему времени изучена подробно на основании богатого архивного наследия, сведения о жизни Алексея Миронова скудны, отрывочны и часто неточны. В Казани сохранилась только часть его архива. Незученным остается московский период его биографии, туманны сведения о ташкентском периоде, последних годах его жизни, дате и обстоятельствах смерти. Согласно его автобиографии (*Curriculum vitae*)³¹ родился А. М. Миронов в Харькове 15 февраля 1866 г. в мещанской семье, был сыном фельдшера хирургической клиники Харьковского университета. Кроме Алексея в семье было еще два брата – Матвей и Андрей. В казанском архиве сохранились открытки от его братьев из Харькова 1909–1910 гг. с обратным адресом: Харьков, Сорокинский переулок, д. 13 (собственный дом)³². Как нам

²⁷ Чигаров Константин Дмитриевич, преподаватель Санкт-Петербургской академии художеств и Школы Штиглица.

²⁸ Гиацинтов Владимир Егорович (1858–1932), искусствовед, писатель. В 1885–1900-е гг. преподавал историю искусств в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. После революции (до 1929 г.) занимал руководящие должности в Музее изящных искусств.

²⁹ Романов Николай Иванович, искусствовед, специалист по итальянскому Возрождению. В 1910–1923 гг. — хранитель отделения изящных искусств Румянцевского музея в Москве. С 1907 г. преподавал на кафедре истории искусств Московского университета. По инициативе Н. И. Романова происходило преобразование музея, основанного И. В. Цветаевым. В современной литературе оценки его роли в реформировании художественных музеев в Москве весьма неоднозначны.

³⁰ Шмит Федор Иванович (1877–1937), историк и теоретик искусства. Директор Государственного института истории искусств в Ленинграде (1925–1929). Создал теорию эволюционно-циклического развития искусства. В 1933 г. был арестован, в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1956 г.

³¹ Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета им. Н. И. Лобачевского (далее – ОРРК НБКУ). Д. 2413 (Мионов А. М. *Curriculum vitae*). Л. 1-3.

³² См.: Там же.

стало известно от украинских коллег³³, старший брат Алексея, Матвей (1863 г. р.),³⁴ также окончил университет в Харькове, но по медицинскому факультету. Матвей Максимович сделал блестящую профессиональную карьеру – еще до революции стал профессором медицины Харьковского университета и впоследствии продолжал сотрудничать с советской властью³⁵. Судьба брата Андрея и других родственников и потомков А. М. Миронова пока остается неизвестной, и, возможно, потребует дополнительных поисков.

В 1884 г. А. М. Миронов окончил Третью классическую гимназию Харькова, затем поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, который окончил в 1888 г. со степенью кандидата³⁶.

Период с 1892 до седины 1894 гг. А. М. Миронов провел за границей, занимаясь изучением произведений искусства в музеях и библиотеках Берлина, Дрездена, Лондона, Парижа, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя, Афин и Константинополя. В Берлине прослушал лекции по истории античного искусства профессора Рейнгарда Кекуле³⁷, совершил научные поездки по Аттике и Пелопоннесу вместе с археологами других стран под руководством директора Немецкого Археологического института в Афинах проф. В. Дерпфельда³⁸. За границей А. М. Миронов оказался в хорошей компании российских историков и искусствоведов. Одновременно с ним обучение у В. Дерпфельда в Афинах проходил археолог и историк античного искусства Б. В. Фармаковский³⁹. В 1893–1894 гг. в Афинах собрался весь цвет российской науки, специализировавшейся в области античности и истории Византии: В. К. Мальмберг, А. Деревицкий⁴⁰, Д. В. Айналов, А. Я. Смирнов⁴¹, М. И. Ростов-

³³ За помощь в поисках приносим благодарность Ростиславу Игоревичу Филипченко, кандидату исторических наук, доценту Национального фармацевтического университета в Харькове (Украина).

³⁴ Миронов Матвей Максимович (1863 – ?), профессор Харьковского университета по кафедре женских и детских болезней, преподаватель Повивального института, в дальнейшем судмедэксперт. Ученые труды посвящены вопросам гинекологии и судебно-медицинской экспертизы. См.: *Миронов М. М. [Автобиография] // Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под ред. проф. И. П. Сковцова и Д. И. Багалея. Харьков, 1905–1906. С. 205–206.*

³⁵ В работе, посвященной двухсотлетию Харьковского университета, указано, что часть профессуры университета склонялась к сотрудничеству с советской властью, в этом контексте названо и имя М. М. Миронова. Он был рекомендован в состав ученого совета Наркомпроса. См.: *Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін. Харків, 2004. С. 289.*

³⁶ «Во время обучения за сочинение по древней философии («Учение о справедливости в древней философии – метафизической и нравственной») был удостоен медали факультета. По окончании университета в течение трех семестров (1888–1889) слушал курсы по истории изящных искусств в Санкт-Петербургском университете. В 1890–1891 гг. сдал экзамены на степень магистра по теории и истории изящных искусств в Московском университете. По окончании их и по прочтении установленных пробных лекций был принят в число приват-доцентов Московского университета на кафедре теории и истории искусств. С 1891 г. прочитал ряд разнообразных курсов по истории искусств и эстетике». См.: ОРРК НБКУ. Д. 2413. Л. 1.

³⁷ Рейнгард Кекуле (1839–1911), немецкий археолог, профессор в Бонне, затем в Берлине; заведовал скульптурным отделением Берлинского музея. Р. Кекуле вместе с А. Фуртвенглером, В. Дерпфельдом, А. Риглем, А. Конце представлял культурно-историческое направление в немецком искусствознании. Предложенный ими новый метод анализа памятников получил название «критика стиля».

³⁸ Вильгельм Дерпфельд (1853–1940), немецкий архитектор и один из наиболее известных исследователей древней архитектуры.

³⁹ Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), историк античного искусства.

⁴⁰ Деревицкий Алексей Николаевич (1859 – ?), филолог-классик. Профессор Харьковского университета.

⁴¹ Смирнов Яков Иванович (1869–1918), российский византист, исследователь христианского искусства Востока, искусства средневекового Запада.

цев⁴². Они слушали лекции в Немецком Археологическом институте. Работа с Р. Кекуле и В. Дерпфельдом не только определила специализацию А. М. Миронов, но и оказала влияние на выбор исследовательского метода, который он усвоил в строгой немецкой школе.

Диссертацию на степень магистра истории и теории изящных искусств А. Миронов защитил в 1895 г. в Московском университете по теме «Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах». В 1902–1903 гг. он начал читать лекции по истории искусства на Высших женских курсах в Москве.

С сентября 1900 по март 1906 гг. А. М. Миронов служил в Московском Публичном и Румянцевском музеях заведующим читальным залом, где познакомился с русским философом Н. Ф. Федоровым⁴³. Сегодня Николая Федорова называют одним из великих русских философов-космистов. В ту пору он работал простым библиографом, собиравшим вокруг себя весь цвет русской интеллектуальной культуры от Л. Н. Толстого до К. Циолковского. Существует предположение о том, что именно Н. Ф. Федоров в 1898 г. вдохновил А. М. Миронова⁴⁴ на написание очерка «Московский Публичный и Румянцевский Музей как художественно-просветительное учреждение»⁴⁵. Среди российских ученых своими идейными наставниками А. М. Миронов считал И. В. Цветаева⁴⁶ и Ф. И. Буслаева⁴⁷. В этот период ученый публикует статьи не только по проблемам эстетического образования, но и по проблемам материального положения преподавателей российских университетов⁴⁸.

С весны 1906 г. А. М. Миронов начал преподавать в Казанском университете. О его частной жизни в Казани известно немного. Он жил здесь по двум адресам: ул. Воскресенская (дом Утямышева), кв. 6. и ул. Грузинская (дом Фадеева). Оба адреса – это исторический центр города. Первый – это современная улица Кремлевская, где и по ныне рас-

⁴² Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), выдающийся российский историк античности. В 1918 г. эмигрировал сначала в Европу, затем в США. Преподавал в американских университетах до 1939 г.

⁴³ Николай Федорович Федоров (1829–1903), русский религиозный мыслитель и философ-футуролог, один из основоположников русского космизма и трансгуманизма, деятель библиотековедения, педагог-новатор.

⁴⁴ См.: *Федоров Н. Ф. Письма Н. Ф. Федорову разных лиц: Комментарии* // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. М., 2005. С. 553.

⁴⁵ *Миронов А. М. Московский Публичный и Румянцевский Музей как художественно-просветительное учреждение* // Вестник воспитания. 1899. № 1. С. 34-55 и отд. оттиск. — В статье А. М. Миронов указывал на то значение, которое имело для Москвы перенесение в нее Румянцевского музея: до начала 1860-х гг. древняя столица «не обладала еще ни одним из таких художественно-воспитательных учреждений, доступных всем слоям общества», какими в Санкт-Петербурге были Эрмитаж и Академия художеств. А затем на протяжении почти тридцати лет «Румянцевский музей оставался в указанном роде единственным <...> рассадником и распространителем историко-художественных знаний, а вместе с ними и воспитателем эстетического вкуса и понимания среди разнохарактерной массы его посетителей» (См.: Там же. С. 34-35). Подробно останавливаясь на описании каждого отдела Музеев, он подчеркнул, что коллекции музеев должны не только доставлять чисто эстетическое наслаждение, но и носить просветительский характер, «наглядно показывать посетителю историческое развитие искусства» (См.: Там же. С. 35-36).

⁴⁶ Цветаев Иван Владимирович (1847–1913), филолог-латинист, историк античной культуры. Главным делом его жизни было создание учебного музея античной скульптуры при Московском университете. После революции созданный И. В. Цветаевым музей слепков претерпел несколько преобразований. С 1937 г. этот музей получил название Государственного музея изобразительного искусства им. А. С. Пушкина.

⁴⁷ Буслаев Федор Иванович (1818–1897), русский филолог и искусствовед, профессор Московского университета (с 1847 г.), академик Петербургской академии наук (с 1860 г.).

⁴⁸ *Миронов А. М. Правовое и материальное положение приват-доцентов в русских университетах* // Вестник воспитания. 1906. № 1. С. 71-96.

положен основной комплекс университетских корпусов. Второй адрес – ныне улица Карла Маркса, в XIX – начале XX вв. здесь селилась дворянская аристократия и университетская профессура. В 1909 г. в Казани А. М. Миронов женился на Варваре Акимовне Степановой (1875 г. р.). В 1911 г. в семье родился сын Борис.

Другом и единомышленником А. М. Миронова в Казани был профессор кафедры древнеримской словесности Борис Владимирович Варнеке (1878–1944)⁴⁹. В архиве сохранилась их переписка: приглашения в гости на семейные торжества, поздравления с православными праздниками, именинами и т. п. Содержание переписки позволяет предположить, что общение между коллегами было неформальным и выходило за рамки служебных обязанностей. Весьма вероятно, что сын А. М. Миронова был назван Борисом в честь лучшего друга Бориса Варнеке. Уже в 1906 г. Б. В. Варнеке по личной инициативе составил описание одной из ценнейших коллекций музея – античной терракоты⁵⁰.

Но Борис Варнеке прожил в Казани недолго: с 1903 по 1910 гг. Впрочем, и такой непродолжительный союз Б. В. Варнеке и А. М. Миронова принес положительные плоды в культурной жизни университетской корпорации и города. В 1899 г. Д. В. Айналов отмечал непривлекательную сторону Казани для столичных ученых: «Здесь нет ни собрания картин, ни коллекций, не бывает выставок. Здесь нет ни научного, ни художественного движения <...> Нет ни среды, ни европейских мыслей»⁵¹. Десять лет спустя в интеллектуальном пространстве Казани произошли существенные изменения. В 1909 г. благодаря инициативе и усилиям Б. В. Варнеке и А. М. Миронова в Казани была проведена Всероссийская выставка современного искусства, значение которой отметила даже общероссийская пресса: «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Камско-Волжская речь». Традиция живописных выставок была поддержана и продолжена в дальнейшем представителями Казанской художественной школы, казанскими коллекционерами.

С 1914 г. А. М. Миронов – ординарный профессор, а с 1916 г. – заслуженный ординарный профессор Казанского университета. В Казани он напечатал несколько своих лекционных курсов: «История христианского искусства» (1908–1909 гг.), «История эстетических учений» (1907 г.) и др. Драматические события в его жизни связаны с провалом защит двух докторских диссертаций. Первая диссертация была посвящена творчеству

⁴⁹ См.: *Никитюк Е. В.* Историк античной культуры Б. В. Варнеке // VII Жебелевские чтения: Сб. статей конф., посв. 150-летию со дня рожд. акад. В. В. Латышева. СПб., 2005. С. 120-121; *Тункина И. В.* 1) Новые материалы к биографии проф. Б. В. Варнеке // Древнее Причерноморье. III Чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. Одесса, 1996. С. 109-110; 2) Борис Васильевич Варнеке: страницы биографии // Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / Под ред. И. Я. Фроянова. СПб., 1998. С. 441-452.

⁵⁰ В казанский период своей научно-преподавательской деятельности, с 1903 по 1910 гг. Б. Варнеке опубликовал около десяти работ по истории театра, подготовил и защитил докторскую диссертацию. В статье Б. Варнеке представил подробное описание 21 статуэтки. По возможности он указывал на аналоги фигурок, известные и описанные в мировой историографии античного мира. См.: *Варнеке Б. В.* 1) Античные терракоты // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXII. Вып. 4. Казань, 1906. С. 231-248; 2) Новые древности из Керчи // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXXII. Одесса, 1915. С. 128-137. Оригинальные оценки этого исследования см.: *Паньков Н.* Керченские терракоты и проблема «античного реализма» книга М. Бахтина о Рабле и русская наука об античности конца XIX – первой половины XX в. // Новое литературное обозрение. 2006. № 79.

⁵¹ В этом же письме есть приписка: «Ах, княже господин, иным Казань град веселия, а мне лютаа Казань, аще ли бы не жента добра, то ся утопил бы в Черном озере». Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 115. Оп. 4. Д. Л. 17-18, 19 об.

выдающегося представителя немецкого Возрождения – А. Дюрера⁵², вторая – написана на тему «Изображение богини победы в греческой пластике»⁵³. Причем вторая диссертация была подготовлена через десять лет после провала первой. Первая монография вышла в 1901 г., вторая – в 1911 г. Факт сам по себе интересный, поскольку такая научная продуктивность была далеко не частым явлением даже в те времена. Но если внимательно приглядеться к цифрам, то за сухими датами скрываются не только «честолюбие», и стремление во что бы то ни стало получить искомую степень, а еще жизненные обстоятельства, которые историографы обычно воспринимают абстрактно.

Итак, первую попытку А. М. Мионов сделал в 1901 г. – ему было 35 лет, возраст и по сегодняшним понятиям достаточно молодой для претендента на докторскую степень. На вторую попытку А. М. Мионов решился спустя 10 лет в возрасте весьма зрелом – ему было уже 45 лет. За два года до этого (только в 43 года!) Алексей Максимович позволил себе завести семью, а в год второй попытки защиты докторской у него родился сын. За этими фактами биографии скрывается уже не просто упорство и самонадеянность ученого, а естественное стремление отца и мужа укрепить материальное положение семьи. А. М. Мионов своего затруднительного материального положения не скрывал, более того, он одним из первых пытался обратить на эту ситуацию внимание общественности и правительства. Современный германский историограф Томас М. Бон из Мюнхена именно эту позицию ставит в заслугу А. Мионова, заимствуя из его статьи сведения о положении московских дореволюционных историков⁵⁴.

А. М. Мионов, проезжая из города в город, как и многие русские преподаватели, путешествуя по Европе, мог рассчитывать только на себя. Вероятнее всего, родители из Харькова оказывали ему помощь и поддержку только в начале жизненного пути, поскольку сами были небогаты. Можно предположить, что университетское образование двух братьев, которые 1890-е гг. почти одновременно стажировались в Европе⁵⁵, легло тяжким бременем на плечи семьи⁵⁶. Если Алексей сумел получить средства на стажировку «с окладом из сумм Министерства Народного просвещения»⁵⁷, то его брат, Матвей, не ожидая казенной командировки, отправился на свой счет за границу.

Скудость средств, отпущенных факультетом на издание книги, не позволили А. М. Мионову подготовить репрезентативный труд по второй диссертации – истории античной пластики: книга вышла в мягкой обложке и с плохими иллюстрациями. Тем не менее, скромность издания вызвала упреки со стороны маститых казанских профессоров,

⁵² *Мионов А. М.* Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпохи Возрождения в немецком искусстве. М., 1901.

⁵³ *Мионов А. М.* Изображение богини Победы в греческой пластике. Казань, 1911.

⁵⁴ Германский историограф Томас М. Бон ссылается на материалы из статьи: *Мионов А. М.* Правовое и материальное положение приват-доцентов ... (См.: *Бон Т. М.* Русская историческая наука ... С. 43).

⁵⁵ Матвей с 1890 до середины 1891 гг., а Алексей с 1892 по 1894 гг. стажировались за границей.

⁵⁶ В 1890 г. Матвей Мионов, живший в Харькове, после защиты диссертации был удостоен степени доктора медицины и факультет представил его к заграничной командировке. Он проработал в течение года в клиниках и лабораториях Мюнхена, Берлина, Дрездена и Парижа, результатом чего было опубликование двух работ и ознакомление с лучшими немецкими и французскими клиниками. Вернувшись в августе 1891 г. в Харьков, он узнал, что министерство не нашло возможным удовлетворить ходатайство факультета о казенной заграничной командировке его за неимением средств. Через год за границу отправился и младший брат – Алексей. С 1892 до середины 1894 гг. А. Мионов занимался в музеях и библиотеках Берлина, Дрездена, Лондона, Парижа, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя, Афин и Константинополя.

⁵⁷ ОРРК НБКУ. Д. 2413. Л. 2.

которые не пожелали учитывать финансовые возможности диссертанта. Даже поверхностное знакомство с его объемными и фундаментальными диссертационными исследованиями позволяет поставить под сомнение объективность и беспристрастность суждений научных оппонентов⁵⁸. Самое поразительное в этой истории то, что сохранились уникальные источники обсуждения диссертаций: были опубликованы отзывы оппонентов и ответы на них А. М. Миронова⁵⁹.

В Казани А. Миронов проводил большую педагогическую и научную работу. Круг его научных интересов постепенно расширился: от истории античного искусства, истории христианского искусства, Возрождения до истории искусства нового времени. Он читал и разработал несколько новых учебных курсов⁶⁰. В 1908 г. Алексей Максимович стал директором Музея изящных искусств и много сил приложил для пополнения его коллекции не только копиями, но и подлинниками. Содержание музея обходилось университету недешево, и не все университетские профессора поддерживали трату крупных средств на приобретение экспонатов для музея. Так, в 1908 г. на одном из заседаний Ученого совета университета А. М. Миронову пришлось «принять бой» за право покупать для учебного музея подлинники, а не только копии⁶¹. Эту схватку ученый выиграл, но нажил себе врагов, одним из которых стал очень влиятельный профессор всеобщей истории М. М. Хвостов⁶².

При участии А. М. Миронова музей получил постоянное и просторное помещение «на среднем этаже западной половины главного здания университета»⁶³. Судя по фотографии, это помещение располагалось в современной «музейной зоне», на втором («среднем») этаже, где ныне находятся этнографический музей и музей истории университета. А. М. Миронов продолжил научное описание экспонатов музея, осуществлял закупку слепков античных статуй из Германии. В стенах музея студенты черпали не только знания, но и получали нравственное и эстетическое воспитание. По инициативе А. М. Миронова при музее был создан студенческий театр «Гаудеамус», где ставились пьесы русских писателей, устраивались студенческие капустники.

⁵⁸ Сыченкова Л. А. Алексей Максимович Миронов. Попытка научной реабилитации ...

⁵⁹ См.: Ардашев П. Н. Отзыв о книге г. Миронова «Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность», представленный историко-филологическому факультету Императорского Юрьевского университета экстраординарным профессором П. Н. Ардашевым // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1906. Ч. 13. № 4. С. 1-12; Мальмберг В. К. Отзыв о диссертации Ал. М. Миронова на степень доктора истории и теории изящных искусств «Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность. К характеристике эпохи возрождения в немецком искусстве» Москва, 1901. Текст утвержден Ученым советом историко-филологического факультета Императорского Юрьевского университета 17 мая 1903 года // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1906. Ч. 13. № 4. С. 2-22. Рукопись ответа А. М. Миронова см.: ОРРК НБКУ. Д. 2414. Л. 2-22; Публикация: Миронов А. М. Мой ответ на рецензию профессора П. Ардашева и профессора Вл. Мальмберга // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. 1906. Ч. 13. № 4. С. 1-12; Хвостов М. М. Рецензия на работу г. Миронова «Изображение богини победы в греческой пластике» // Ученые записки Казанского Императорского университета. 1911, январь-апрель; Миронов А. М. Мой ответ на рецензию М. М. Хвостова // Ученые записки Казанского Императорского университета. 1914. Январь-апрель. С. 13-14.

⁶⁰ Среди наиболее отличившихся студентов А. Миронов отмечает: Андерсона, Фирсова, Климовского, Шиманского. На семинаре по истории искусств студент Андерсон сделал доклад на тему «О возникновении и развитии пейзажа в древнем мире». См.: Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 г. Казань, 1909. С. 26.

⁶¹ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 год. Казань, 1909. С. 9.

⁶² Сыченкова Л. А. История становления и развития отечественного культуроведения (второй половины XIX – начала 30-х гг. XX вв.). Казань, 1996. С. 36-51.

⁶³ См.: Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 год. С. 26.

Музей стал доступен и для публичного посещения. В архиве музея сохранились десятки прошений с просьбой о посещении музея. За заслуги на ниве просвещения А. М. Миронов получил ордена Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степени, а также Святого Станислава 3-й степени.

Поддержку своей деятельности ученый находил у тех представителей казанской профессуры, которые понимали значение эстетического образования. Несмотря на то, что А. М. Миронову не удалось защитить в Казани докторской диссертации, тем не менее, этот период его жизни можно назвать самым удачным и плодотворным. Итогом его педагогической деятельности в казанском университете можно считать подготовку учеников. Школу Миронова прошли П. М. Дульский⁶⁴, С. П. Сингалевич⁶⁵, Б. П. Денике⁶⁶, Н. А. Щербаков⁶⁷, А. А. Федоров-Давыдов⁶⁸.

В середине 1920-х гг., после того, как кафедру истории и теории изящных искусств Казанского университета реорганизовали в кафедру истории религии, а затем и вовсе закрыли в связи с известными «преобразованиями» гуманитарных факультетов в ФОПы – факультеты общественных профессий, А. М. Миронов уезжает из Казани. Уже в начале 1920-х гг. у ученого наметился интерес к изучению искусства Средней Азии, и он неоднократно выезжал в музеи и библиотеки Ташкента, Самарканда, Баку, Харькова и Одессы⁶⁹. Поэтому в середине 1920-х гг. он оказывается в Ташкенте, где становится профессором

⁶⁴ Дульский Петр Максимилианович, казанский краевед, историк искусства и архитектуры. Основные работы вышли в 1920–1940-е гг.

⁶⁵ Сингалевич Сергей Платонович, историк, краевед. Специализировался в области изучения истории и культуры Казани. Основные работы: Крит в начале исторического существования. Казань, 1912; Методология истории. Казань, 1918. Т. 1-2; Эпоха Возрождения. Культурно-политическая история итальянского и немецкого Ренессанса. Казань, 1912; Старая и новая Казань. Экскурсионный вестник / Под ред. С. П. Сингалевича. Казань, 1927. О его работе см.: *Миронова А. М.* Выставка по истории Великой Французской революции // Казанский музейный вестник. 1920, № 5-6. С. 61-62.

⁶⁶ Денике Борис Петрович (1885–1941), советский искусствовед. В 1911 г. окончил Казанский университет. С 1918 г. – профессор кафедры истории и теории искусств Казанского университета. Первоначально под руководством А. М. Миронова исследовал проблемы крито-микенского искусства, а затем специализировался в области изучения искусства Востока. (См.: Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 977. Оп. 619. Д. 8. Л. 53). С 1925 г. работал директором Музея Народов Востока в Москве. Автор многочисленных статей и монографий по искусству и культуре Средней Азии, Афганистана, Японии, Китая, Индии.

⁶⁷ Щербаков Николай Арсеньевич (1884–1933), историк античного искусства. Питомец Казанского университета, после окончания которого (1910 г.) был оставлен на кафедре истории и теории искусств. В 1911 г. по ходатайству И. В. Цветаева был переведен в Музей изящных искусств в Москве. Работая в музее до конца жизни, несколько лет он совмещал музейную службу с преподавательской деятельностью в Казанском университете. (См.: НА РТ Ф. 977. Оп. Совет. Т. 7. Д. 12758 (О присвоении степени магистра теории и истории искусств Н. А. Щербакову от 31 января 1914 г.). О переводе Н. А. Щербакова на должность приват-доцента кафедры теории и истории искусств в 1917 г. см.: НА РТ Ф. 977. Оп. Совет. Т. 7. Д. 2402. С 1917 г. Н. А. Щербаков, получив звание доцента в Казани, стал преподавать в Московском государственном университете.

⁶⁸ Федоров-Давыдов Александр Александрович (1900–1969), советский теоретик искусства, специалист по русскому искусству. В 1919–1923 гг. учился на историческом факультете Казанского университета. В 1929 г. опубликовал «Марксистскую историю изобразительных искусств», которая позволила ему считать себя своеобразным «генералом» от марксизма в области искусствознания. С 1944 по 1948 гг. он заведовал кафедрой русского и советского искусства Московского университета.

⁶⁹ О командировках Миронова в 1920–1922 гг. в Харьков, Одессу, Москву, Баку, Ташкент, Самарканд для «ознакомления и изучения архитектуры, этнографии и культуры народов Востока», а также как «заведующему художественным фондом Музея Татарской республики для приобретения произведений по восточному искусству для музея». См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 18. Л. 129.

Среднеазиатского государственного университета и одновременно заведующим Музейной секцией университета⁷⁰.

Непродолжительный период существования Музея древностей и изящных искусств оставил значительный след в истории Казанского университета, музей выполнял очень важные образовательные и просветительские функции, стимулировал интерес к изучению историко-культурной проблематики. К сожалению, этот музей не сохранился, а был уничтожен как «классово-чуждый» компонент образования во время пролеткульта. В результате университетских «преобразований» коллекция музея была распределена по различным музеям города, особо ценная часть – отправлена в Москву, гипсовые слепки с античных статуй разбились при перевозке на телегах. Трудно проследить судьбу собрания русских икон, живописных картин (всего их было около восьми десятков). В университете осталась только небольшая часть коллекции: гравюры, библиотека музея и портреты императоров, украшающие сегодня актовый зал университета.

Ретроспективное рассмотрение судеб Д. В. Айналова и А. М. Миронова, позволяет считать более значимым моментом их «объединения» историю Музея изящных искусств Казанского университета, в создание и развитие которого оба ученых внесли значительный вклад. Несмотря на различие характеров, темпераментов, разную меру таланта и дальнейшее расхождение в методологических походах, оба ученых одинаково страстно и бескорыстно любили свой предмет – историю искусств. Оставить след в науке, в истории Казанского университета, а более широко в интеллектуальной истории Казанского края русским искусствоведам помогли, вероятно, высокий профессионализм, чувство долга и ответственности перед Отечеством и последующими поколениями. Сегодня нет необходимости канонизировать их образы, вставляя в золоченые рамы портреты идеальных героев из прошлого, поскольку в жизни они совершали поступки разных нравственных качеств. Они были обычными людьми и действовали по правилам своего социального и профессионального круга общения. В наши дни у историографов появилась возможность более беспристрастно разобраться в роли этих персонажей в истории Казанского университета, еще раз уточняя и раскрывая некоторые факты их биографии, которым ранее не придавалось значения.

Информация о статье

Автор: Сыченкова Лидия Алексеевна – докт. ист. наук, доцент, Россия, Казанский (Приволжский) Федеральный университет. l.sichenkova@yandex.ru

Заглавие: Основатели музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов

Абстракт: История Музея древностей и изящных искусств Казанского университета остается малоизвестной в российском научном мире. Судьба российских искусствоведов Дмитрия Айналова и Алексея Миронова была связана с историей учебного Музея Казанского университета. Автором уточняются факты биографии двух ученых и организаторов музейного дела. Содержание статьи позволяет расширить существующее представление об истории музейного дела и развития искусствознания в Казани второй половины XIX – первой четверти XX вв.

Ключевые слова: Музей древностей и изящных искусств, университет, Казань, биография, Д. Айналов, А. Миронов.

⁷⁰ В справочнике 1928 г. указано, что А. М. Миронов проживал в Ташкенте по адресу: ул. Самаркандская, д. 1, кв. 7. См.: Наука и научный работник в СССР. Л., 1928. Ч. 6. С. 258.

On article

Author: Sychenkova Lidia – Doctor of Science in History, Associate Professor, Russia, Kazan (Volga Region) Federal University. L.schenkova@yandex.ru

Title: Founders of the Kazan University Antiquities and Fine Arts Museum: Dmitriy Aynalov and Alexey Mironov.

Abstract: History of the Kazan University Antiquities and Fine Arts Museum is still not widely known in the Russian scientific world. Russian art historians Dmitriy Aynalov's and Alexey Mironov's fates were connected with the history of the Kazan University training Museum. Some facts of the biographies of these two scientists and organizers of the museum affair are specified. This article allows broadening an existing view on the museum history and development of art criticism in Kazan in the second half of the XIX-th – the first quarter of the XX-th centuries.

Key words: Antiquities and Fine Arts Museum, University, Kazan, biography, D. Aynalov, A. Mironov.